

Она снова использовала слово «священный». Моё сердце ёкнуло. Я украдкой взглянула на матушку, но её лицо оставалось спокойным, без тени недовольства. Она развернула свиток. То был доклад министра церемоний У Саньсы: «Прошу переименовать дворец Лоян в дворец Тайчу; Департамент государственных дел — в Палату Вэньчан; Секретариат — в Палату Луаньтай; Приказ Дяньчжун — в Палату Фэн-гэ; Палату цензоров — в Левую палату Сучжэн; добавить Правую палату Сучжэн; все департаменты, управления и службы переименовать согласно их функциям; переименовать должности старших чиновников; изменить цвет флагов на золотой; изменить цвет одеяний с зелёного на бирюзовый...»

Матушка слушала, кивая, но на середине вдруг усмехнулась:

— Это не оригинальный доклад У Саньсы. Он советовался с тобой?

Ваньэр поклонилась:

— Согласно указанию императрицы, я подготовила выдержки из истории прежних должностей, но названий не предлагала.

Матушка улыбнулась и также поставила резолюцию «одобрено».

Ещё около двадцати свитков касались вопросов водного транспорта и налогов — тем, в которых я не слишком разбиралась. Читала я с запинками, но, к счастью, матушка не сердилась, а порой даже поясняла мне то одну, то другую фразу. Впервые я узнала о тонкостях системы цзун-дяо и о различиях между повинностями. Боясь забыть, я смущённо попросила бумагу и кисть, чтобы записать всё это, но матушка лишь улыбнулась:

— Пусть Ваньэр перепишет тебе копию.

И не позволила мне записывать при ней.

Я понимала, что наше участие в обсуждении государственных дел было тайным и разглашению не подлежало, потому не стала настаивать. Когда матушка закончила с этой партией документов, она лениво потянулась, словно собираясь встать. Я и Ваньэр поспешили подойти, чтобы поддержать её с двух сторон, но она лишь слегка подвинулась и сказала мне:

— Раз уж Чжэн-лан так настойчиво зовёт, съезди домой. Если захочешь, вечером вернись во дворец, если нет — останься ночевать дома.

Я помедлила и ответила:

— Но матушка же сама говорила, что два или три уступления — это уже слабость. Я уже один раз уступила. Сегодня не стоит отступать снова.

Матушка с улыбкой посмотрела на меня — в глазах её явно читалось удовлетворение, — но на словах она лишь равнодушно произнесла:

— Как знаешь.

Авторское примечание

Находясь перед матушкой, я не придавала значения, но, выйдя и обдумав её тон и выражение лица, я поняла: она обращалась со мной почти так же, как с Ли Жуем, когда тот был ещё князем Цзи. Пока Ли Жуя не назначили наследным принцем, она часто говорила с ним таким

строгим тоном, в котором смешивались ожидание и испытание. После же его назначения подобные наставления прекратились.

И сегодня она велела мне читать не обычные хвалебные или ритуальные доклады, а важные документы, касающиеся налогов и водного транспорта.

Сердце моё забилося чаще. В голове невольно зародились догадки: не хочет ли матушка взрастить меня, позволив участвовать в делах Внутреннего двора? Или же она просто желает, чтобы я немного разбиралась в государственных делах и понимала тяготы народа?

Охваченная этими мыслями, я поспешила к А-Хуань. Та, как и в каждый из последних месяцев, сидела в покоях и переписывала свои драгоценные сутры, изредка поглядывая на Шоули, который играл под присмотром маленьких служанок. Я подарила ему ковёр из красных нитей размером два чжана и велела изготовить небольшой забор из сандалового дерева. Обычно этим забором огораживали ковёр, чтобы малыш мог вволю на нём резвиться.

А-Хуань ещё не закончила переписывать свиток и не поднимала на меня глаз. Моё волнение не находило выхода, и я просто уселась у края красного ковра. Через забор я принялась поддразнивать Шоули кожаным мячом, пока он не собрался заплакать. Лишь тогда А-Хуань отложила кисть и бумагу, медленно подошла и отняла у меня мяч.

— Не дразни Далана.

Я улыбнулась:

— Он явно доволен! Разве это дразнить?

Попыталась выхватить мяч у А-Хуань, но она ловко переложила его в другую руку и, улыбаясь, посмотрела на меня:

— Если за время, пока горит одна благовонная палочка, ты сможешь отобрать у меня этот мяч, я признаю поражение.

Я надула губы:

— А что я получу, если выиграю? И что будет, если проиграю?

— В семейных играх не нужны крупные ставки, — с улыбкой ответила она. — Если я проиграю, я сделаю тебе что-нибудь своими руками. Если ты проиграешь — ты сделаешь что-нибудь мне. Хорошо?

Я тут же согласилась и с весёлым видом бросилась к ней. Поскольку в любом случае я оставалась в выигрыше, я не слишком старалась. Но она, казалось, относилась к игре ещё более небрежно. Через несколько попыток она вдруг сунула мяч мне в руки, отступила на шаг и с притворным сожалением сказала:

— Я проиграла. Через несколько дней, когда подарок будет готов, я передам его тебе через служанок.

Я тихо рассмеялась:

— Не надо через служанок. Я сама приду к А-сао за ним.

Мне захотелось вдохнуть аромат, исходящий от мяча, но я не решилась, лишь осторожно

притянула его ближе и принялась разглядывать.

— Что это за мяч? Искусно сделан. А-сао, подари мне его.

А-Хуань посмотрела на меня с усмешкой:

— Это обычный кожаный мяч для цуцзю, какие используют во дворце. Если нравится — забирай. Я велю принести тебе ещё десяток.

— Мне нужен только этот один, — ответила я.

Наигравшись, я подмигнула А-Хуань. Та поняла и предложила сыграть в шуанлю. Мы уселись друг напротив друга на ложе, оставив внутри только Цици. Пока мы бросали кости, она вкратце рассказала мне о нескольких важных событиях последних дней. Я же, наклонившись вперёд, поведала ей о сегодняшних докладах. На то, что матушка велела мне читать доклады, А-Хуань не отреагировала, но, услышав о собрании врачей, слегка нахмурилась, хотя на словах сказала:

— Пожалуй, действительно пора тебя как следует осмотреть.

Я недоумевала:

— Но ведь меня каждые десять дней осматривает фэнъюй, без перерывов. К чему специальное собрание?

Она посмотрела на меня, зажала фишку двумя пальцами и медленно поставила её, перекрывая мою дорогу.

— Речь идёт о твоей жизни. Конечно, нужно собрать врачей, чтобы убедиться, что всё в порядке. Только тогда можно будет позволить тебе и твоему мужу... завести детей.

Я чуть не поперхнулась чаем.

— А-Хуань, не пугай меня! Я... как я могу родить ребёнка?

Её взгляд опустился на фишку.

— Родительское сердце всегда желает, чтобы дети продолжили род, чтобы род процветал. Особенно ты — единственная дочь императорской семьи. Если в конце концов у тебя не останется наследника, а титул твоего мужа достанется сыну наложницы, как матушка может быть спокойна?

Тут-то я и поняла, почему она вчера вела себя странно. Вероятно, она, находясь во дворце, уже что-то пронюхала и теперь мучилась ревностью, причиняя боль и себе, и мне. Я ухватила её за рукав.

— Матушка, как бы ни хотела, не может вмешиваться в то, что происходит между мной и Чжэн Бо в спальне. Не волнуйся, я верна тебе и никогда не позволю ему приблизиться.

А-Хуань вздохнула и медленно высвободила свою руку.

— На самом деле, даже если бы ты позволила, я бы не стала тебя винить. Я уже говорила: даже если у тебя будет муж и дети, пока в твоём сердце останется место для меня, я буду счастлива. Если смотреть в долгосрочной перспективе, возможность родить ребёнка для тебя, конечно, предпочтительнее бездетности.

Я, сама не знаю почему, разозлилась.

— А-Хуань считает, что если двое поклялись быть вместе, но один из них начинает флиртовать с другими и даже заводит детей, — это правильно?

— Но Чжэн Бо — твой муж, — спокойно ответила она.

Я уставилась на неё.

— Ли Жуй тоже твой муж. Если бы он захотел, чтобы ты родила ему ребёнка, ты бы согласилась?

Она не ожидала, что я назову Ли Жуя по имени, и подняла на меня глаза.

— У Эрлана много наложниц. Ребёнок от любой из них будет его ребёнком. А что до мужа... если ребёнок будет не от тебя, какое это имеет отношение к матушке?

Я не отводила взгляда.

— А вдруг? Вдруг Ли Жуй настаит на том, чтобы ребёнка родила именно ты? Что ты тогда будешь делать?

Она опустила голову и, помолчав, сказала:

— Я помню, ты говорила, что даже если бы я не была девственницей, даже если бы у меня уже были дети, ты всё равно бы меня полюбила.

Я с трудом сдержала крик.

— Если бы это случилось до нашей встречи... я бы не возражала. Но мы уже вместе.

— В жизни редко всё бывает идеально, — ответила она.

Она взяла мою руку и улыбнулась.

— Но не волнуйся. Эрлан меня никогда не любил и не захочет детей от меня. А что до тебя... я не против, если ты родишь ребёнка от мужа. Но твоё здоровье нужно тщательно проверить, чтобы убедиться, что всё в порядке. Речь не о том, чтобы рожать в этом году. Просто... нужно готовиться заранее. Матушка любит тебя, свою единственную дочь, и никогда не станет рисковать твоей жизнью. Не волнуйся.

Улыбка её была фальшивой. Я знала, что на душе у неё тяжело. Но я не могла понять, как она может говорить такие вещи.

Будь она в слезах, требуя, чтобы я отдалилась от мужа... Будь она даже подстроила ловушку для Чжэн Бо — это не причинило бы мне такой боли.

Но она сказала именно это, раня и себя, и меня.